

Отзыв
официального оппонента
на диссертацию Ли На
«Миф о Москве в «Московской трилогии» М.А. Булгакова
(«Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце»),
представленную на соискание ученой степени кандидата
филологических наук
по специальности 10.01.01. – Русская литература

Диссертация посвящена актуальной теме. Автор анализирует три московские повести Михаила Булгакова в сравнении с петербургским мифом русской литературы.

Диссертантка трактует миф как форму мышления и как способ познания мира. Интересен вывод о том, что «советская идеомифологическая система была создана прежде всего перенесением исторической реальности во внеисторическое пространство. Сформировался некий гипертекст – пространство текстов, вместе создающее образ советского Космоса, советскую мифологию» (С. 11). Справедливо также заключение о том, что миф города в первую очередь создает литература, в связи с чем можно говорить о парижском тексте французской литературы, лондонском тексте английской литературы, петербургском тексте русской литературы и т. д., равно как и о соответствующих текстах мировой литературы. В диссертации прослежена история формирования и функционирования петербургского мифа, как наиболее разработанного в русской литературе. По мнению диссертантки, в советский период этот миф «пережил сложную трансформацию и продолжил активно развиваться и в постсоветский период». (С. 16). И еще в XVIII веке началось противопоставление в русской культуре двух российских столиц. Как отмечается в диссертации, «с момента появления двух столиц, исконной и новой, русской и европеизированной, естественной и созданной в результате своеобразного эксперимента и в ходе

состязания человека с природой, в культуре начинается их интенсивный диалог». (С. 18). При этом спор Петербурга и Москвы стал спором «прогрессистов» и «консерваторов». А в начале XX века в связи с революцией вновь актуализируется и выходит на первый план миф «Петербург – город обреченных». Как подчеркивается в исследовании, «Москва с берегов Невы виделась воплощением византийского и азиатского начала, которое определяет отсталость страны в целом. Петербург же из Москвы также представлялся свидетельством отсталости: как европейская глухая провинция, модель полностью заимствованная, а, следовательно, – явление третьеразрядное». (С. 23) Ли На указывает на то, что в годы советской власти «московский миф» подвергся существенной трансформации. Появилась мифология советского Космоса, основанная на единстве человека и мира. В произведениях советских писателей утверждались «миф о создании нового мира, о победе над Временем, о едином пространстве Страны Советов». (С. 24)

В творчестве М. Булгакова диссертантка выделяет иронию как основной прием при конструировании «московского мифа». Повесть «Дьяволиада» стала частью его мистико-фантазмагорической составляющей. Она написана в гоголевской традиции. Как подчеркивается в диссертации, «в петербургских повестях Н.В. Гоголя и в московских повестях М.А. Булгакова можно обнаружить параллелизм сюжетных ходов и общность принципов изображения реальности и построения пространственно-временных моделей. М.А. Булгаков описывает пространство такими же средствами, которыми пользуется Н.В. Гоголь». (С. 26).

В повести «Роковые яйца» московское пространство играет более активную роль, чем в «Дьяволиаде», где приметы собственно Москвы едва намечены и место действия большой роли не играет. В «Дьяволиаде» Москва утрачивает приметы «естественного» города и становится, подобно Петербургу, холодной и отчужденной для Короткова, который уподобляется Евгению пушкинского «Медного всадника». Интересно наблюдение

диссертантки о том, что в «Роковых яйцах» «Москва по ходу действия проживает целых два жизненных цикла, состоящих из трех главных этапов: полный упадок, вызванный событиями революции и гражданской войны, послевоенное восстановление и, наконец, бурный расцвет» (С. 28). А в повести «Собачье сердце» Булгаков «создал образ холодного, ветреного и неприятного города Москвы 20-х годов, города уходящей русской культуры, города агрессивных пролетариев, бескультурья, грязи и пошлости». (С. 30)

Заслуживает внимания вывод о том, что в московской трилогии «в основе многих абсурдных ситуаций оказывается столкновение насаждаемого советского уклада жизни с реалиями жизни уходящей». (С. 35) Это подтверждается конкретными примерами. Также в диссертации показано, что Булгаков пользуется гоголевскими приемами для создания сатирической и абсурдистской ткани своих московских повестей.

Как верно подмечено в диссертации, у Булгакова «внешний облик представителя мира бесов и демонов не столько пугает, сколько провоцирует зрителя, как будто издевается над ним, над его представлением о норме». (С. 49). Есть также ряд убедительных параллелей между «Дьяволиадой» и «Мастером и Маргаритой» (С. 49-53). Диссертантка справедливо рассматривает «Дьяволиаду» как «своеобразный мост, соединяющий петербургский миф с московским» (С. 54).

При этом в диссертации подчеркиваются принципиальные различия творимого Булгаковым московского мифа от традиционного петербургского: «В так называемом петербургском тексте, искусственный город противостоит естественной среде и природной стихии. В повестях Булгакова, наоборот, естественный и органичный город противостоит стихии, искусственно созданной людьми». (С. 63)

Справедливо подчеркивается наличие в «Роковых яйцах» ряда персонажей, являющихся заместителями нечистой силы. Это как раз те персонажи, которые соблазняют профессора Персикова. (С. 68-71), а также непосредственный виновник катастрофы Рокк. Новым и обоснованным

представляется вывод о том, что название возглавляемого Рокком совхоза – «Красный луч» соотносит происходящее «не только с коммунистической символикой, но и с символикой, обозначающей ад и преисподнюю». (С. 82)

В «Роковых яйцах» «горячая, избыточная интенсивность и напряженность жизни граничит с сумасшествием. Город, его улицы уподоблены зараженному лихорадкой живому организму, а его улицы – очагам воспаления». (С. 76) Новой является параллель «Роковых яиц» с булгаковским фельетоном «Заколдованное место», где речь идет о том, как заведующие неким ларьком один за другим оказывались на скамье подсудимых, и фамилия одного из заведующих – Персик (С. 100).

Можно согласиться с выводом о том, что в «Роковых яйцах» реализован «принцип античной драмы *Deus ex machine*», что свидетельствует о том, что «люди нуждаются в высшем покровительстве. Без этого покровительства человечество быстро само себя уничтожит». (С. 98).

Как отмечается в диссертации, в «Роковых яйцах» «столкновение с искусственно выведенными ужасающими рептилиями наводит на людей такой же ужас, как встреча с нечистой силой в романе «Мастер и Маргарита»». Александр Семенович Рокк, подобно Ивану Бездомному, становится похож на душевнобольного, и умоляет спрятать его, как и персонажи, столкнувшиеся с Воландом и его свитой. (С. 105).

Важным представляется вывод о том, что в «Роковых яйцах» «мотив мистического зла, характерный для «петербургского мифа», становится ключевым. Москва предстает городом, забытым Богом. Это гиблое место, где господствует случай. Образ Храма Христа Спасителя – символ утраты той веры и уклада, без которого новый «построенный» мир становится абсурдным и иррациональным, а луч жизни – лучом смерти». (С. 106)

Относительно повести «Собачье сердце» в диссертации верно подмечено, что здесь пространство устроено значительно проще, чем в «Роковых яйцах», поскольку действие сконцентрировано в квартире профессора Преображенского. (С. 106).

Важен вывод о том, что идея о том, что человеческие возможности не безграничны, поскольку человек зависит от не им установленных законов мироздания, объединяет повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце» и роман «Мастер и Маргарита». (С. 108) .Как отмечает диссертантка, в «Собачьем сердце» «в симпатичных до того и автору и читателю персонажах совершенно неожиданно и абсолютно отчетливо проступают дьявольские, демонические черты, они единственный раз напрямую изображаются как преступники, а сама операция – как расправа с невинной и доверившейся палачам жертвой». (С. 112-113). Здесь же есть сходство с волшебной сказкой, поскольку незащитное существо (в сказках – сирота, у Булгакова – бездомный пес) попадает в дом к «гостеприимному» хозяину, который их кормит и предоставляет теплый очаг, а потом показывает истинную дьявольскую суть (в сказках в этом качестве выступают людоеды и ведьмы) (С. 116) Дом же профессора Преображенского в Обуховом переулке диссертантке представляется микро моделью страны и тех потрясений, которые она переживает. (С. 118) В диссертации доказывается, что при своем совершенно непримиримом отношении к «разрухе в головах», профессор Преображенский «тоже является ее носителем. По крайней мере, в первой части повести, до момента признания совершенной ошибки. Руководящая им идея об улучшении человеческой природы стоит в одном ряду с идеей мировой революции и точно так же является своего рода галлюцинацией и иллюзией. Движимый благой целью, профессор сначала всячески потворствует разрухе в головах своих пациентов, желающих омолодиться. Омоложение, то есть своего рода поворот времени вспять, вопреки ожиданиям, не облагораживает, а уродует людей, превращая их в существ жалких и смешных». (С. 126). Соответственно, Шариков трактуется как оборотень и воплощение нечистой силы. (С. 130-133). Парадоксальность этого образа, по справедливому мнению диссертантки, заключается в том, что «Шариков предстает поочередно то как бесцеремонный и самоуверенный агрессивный хам, всячески демонстрирующий желание выйти из под чьей

либо опеки, то как абсолютно беспомощное и умственно отсталое существо, в этой опеке нуждающееся». (С. 154). Важным является заключение диссертантки о том, что без помощи Борменталья Преображенский не мог бы противостоять агрессии Шарикова. Это сближает образ Преображенского с образом Мастера, нуждающегося в помощи всеильного Воланда (С. 162). Представляется верным вывод о том, что в «Собачьем сердце» «миф о Москве осложняется не характерным для «петербургского» текста конфликтом между научным прогрессом и хаотической жизненной стихийностью». (С. 164)

В целом в диссертации произведен вполне квалифицированный мотивный анализ московских повестей Булгакова, с точки зрения формирования особого московского мифа. Диссертантке удалось создать логически непротиворечивую картину реализации творческого замысла всех трех московских повестей. В них проводится единый принцип изображения мира – «фантастический реализм», который служит Булгакову средством создания авторского мифа о Москве, имеющего сходство с петербургским мифом русской литературы. (С. 165)

Не вызывают возражений общие выводы диссертации. Первый из них сводится к тому, что булгаковская Москва одновременно принадлежит московскому тексту русской литературы и «входит составной частью в мистическое пространство русской литературы». (С. 166) Второй вывод заключается в том, что в булгаковских повестях «человеческое высокомерие вызывает к жизни или активизирует ожидающие своего часа адские силы, которые, высвободившись, мгновенно выходят из-под человеческого контроля», в результате чего Москва «становится ареной борьбы с вырвавшейся из ада нечистью» (С. 170)

Вместе с тем, в диссертации есть и дискуссионные места. По мнению диссертантки, в «Роковых яйцах» Москва представляет собой «изначально здоровый организм», который «заключает в себе мощный механизм защиты от напастей и способность к регенерации». (С. 62). С этим можно поспорить,

поскольку тот факт, что Москва стала жертвой нашествия гадов, от которого чуть не погибла, заставляет подозревать, что изначально она содержала в себе нечто порочное.

Диссертантка утверждает: «Своеобразным символом победы жизни над смертью, тоже, разумеется, глубоко ироническим, как в принципе и вся ситуация, связанная с куриной катастрофой, стало преобразование и переименование «чрезвычайной комиссии по борьбе с куриной чумой» в «чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства». (С. 78). Но в данном случае пародируется широко известный факт назначения главы ВЧК Феликса Дзержинского по совместительству Председателем Высшего Совета народного хозяйства СССР в 1924 году. К сожалению, в диссертации практически не рассматривается повесть «Роковые яйца» как пародия на события революции и гражданской войны в России, а образ Персикова как пародия на Ленина. Об этом нам приходилось неоднократно писать, в том числе в цитируемой в диссертации «Булгаковской энциклопедии».

Указанные недостатки и дискуссионные утверждения никак не снижают в целом научной ценности диссертации и не отменяют общей высокой оценки работы. Перед нами – оригинальная диссертация, являющаяся новым интересным исследованием булгаковского творчества.

Автореферат и публикации отражают основные положения диссертационного исследования.

Объем и уровень работы позволяют утверждать, что диссертация Ли На ««Миф о Москве в «Московской трилогии» М.А. Булгакова («Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце»»)» соответствует п.9,10 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, соответствующей требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В диссертации содержится решение задачи, имеющей существенное значение для изучения истории русской литературы и творчества Михаила Булгакова. Она

заключается в оригинальном и доказательном мотивном анализе московских повестей писателя. Ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. – Русская литература.

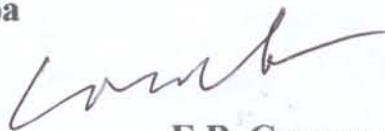
Доктор филологических наук,

Специальность 10.01.01 – русская литература

Кандидат исторических наук,

Член Русского ПЕН-Центра

1 июля 2015 г.

Б.В. Соколов

Подпись Б.В. Соколова, члена Русского ПЕН-центра, заверяю.

Зам. директора

Турганникова Э.К.

